

Александр Абрамович ИСБАХ-БАХРАХ (ИСБАХ)

ЗНАМЕНА   ВАЛЬМИ

К 150-летию Французской буржуазной революции 1789 г.

Октябрь. 1939. № 7. С.155-160.

Веб-публикация: редакторы сайтов *Vive Liberta* и *Век Просвещения*; Юрий Карякин, редактор сайта *Великая французская революция*, 2003
Орфография оригинала сохранена. Примечания и ссылки, выделенные шрифтом, даны ред. *Vive Liberta*

В марте 1939 года секретарь ЦК французской компартии Морис Торез выступил с большой речью на родине Максимилиана Робеспьера, в городе Аррасе. Свою речь Торез посвятил образу неподкупного якобинца. Речь была произнесена в связи с наступающей 150-й годовщиной со дня французской буржуазной революции 1789 года. Но слова Тореза касались не только конца XVIII века, она имела прямое и непосредственное отношение к веку XX, к нашим дням. Ярким рисунком облика Робеспьера, Морис Торез противопоставлял ему современных французских парламентариев, руководителей французского правительства, покрывающих позором знамена Французской революции.

В начале 1939 года вышла в свет новая пьеса Ромэн Роллана — «Робеспьер», завершающая цикл драм о Французской революции, над которым Ромэн Роллан работал в течение четырех десятков лет. В этой пьесе Ромэн Роллан преодолевает в основном элементы надклассового, абстрактного гуманизма, которые были свойственны таким ранним его произведениям, как «Дантон» (1901 г.). Симпатии Ромэн Роллана на стороне Робеспьера и Сен-Жюста. Роллан не упрощает образ Робеспьера. Он говорит подчас и о некоторой узости его кругозора и о его недостаточной последовательности, но он ярко показывает любовь Робеспьера к народу:

«Я не мог бы вести его (народ), — говорит Робеспьер, — если бы каждую минуту он не был для меня источником вдохновения. Я ведь слаб, и всю мою силу и весь мой разум я черпаю только в этом великом народе, чье мощное дыхание поднимет нас над нашей жизнью. Будем же любить народ! Будем любить себя в нем!»

Гуманизм Робеспьера сочетается в нем с активной, действенной ненавистью к врагу.

В одной из своих речей Максимилиан Робеспьер говорил: «Люди всех стран — братья. Различные народы должны объединиться в едином братстве. Мир народам, мир всем народам, но война тиранам, война всем тиранам. Тираны должны быть низвержены, так как люди хотят быть свободными, хотят уничтожить в себе рабское чувство!»

Некоторые историки, искажившие облик Робеспьера, утверждали, что он противник всякой войны. Это неверно. Робеспьер говорил: «...те, кто организуют войну против народа, чтобы преградить дорогу свободе и прогрессу, чтобы ограничить права человека, должны быть преследуемы не как обыкновенные противники, а как убийцы, как презренные негодяи».

Робеспьер возражал против необдуманного, безрассудного объявления войны Австрии: он требовал решительной борьбы с врагами внутри Франции.

Робеспьер хотел мира для своего народа, но он понимал, что этот мир может быть достигнут только после уничтожения тиранов, после уничтожения армий интервентов и аристократов, наступающих на свободную Францию. Один из верных друзей Робеспьера, молодой Сен-Жюст, как-то сказал: «Не должно быть свободы для убийц свободы». Под этими словами целиком подписался бы и Максимилиан Робеспьер.

Эта любовь к народу характерна не только для Робеспьера, но и для его ближайших друзей — Сен-Жюста, Леба, Кутона. Обращаясь к депутатам Конвента, Сен-Жюст (в пьесе Р. Роллана) говорит: «Мы забыли нашу основную цель — сделать народ счастливым. Напрасно вы гордитесь, что создали Республику, если она не даст народу счастья. А раз нет у народа радости, то нет и родины, нет республиканской гордости, нет любви к свободе, — он ничего не любит. Вам говорят: «свобода или смерть», а я говорю: «счастье народа или смерть».

Заботы о благе народа никогда не покидают огненного Сен-Жюста, ни на фронте, где он является одним из лучших комиссаров республиканской армии, ни в Конвенте, ни в Комитете общественного спасения. Сен-Жюст говорит о народе: «Они дадут все, что у них есть — свою кровь. Дайте им долю в общественном богатстве, дайте землю! Спаяйте их с революцией и тогда ничто не сможет ее поколебать... Но какое безумие, неужели революция для того лишь уничтожила привилегии родовой аристократии, чтобы установить привилегии богатых. За четыре года одним богатым, только богатым, шли на пользу жертвы всей нации. Новая аристократия — торговая, более алчная, чем прежняя дворянская аристократия, под смехотворным предлогом свободы торговли захватывает все сырье, монополизировать торговлю и промышленность, присваивает себе землю и недра, хлеб, леса и виноградники. Вы это допускаете, вы покровительствуете своим врагам, вы приносите им в жертву народ — вашего единственного друга...». И французский народ на полях сражения подтверждает, что он единственный защитник страны и революции.

Против молодой французской республики объединяются силы реакции. Образуется иностранная коалиция, поддерживающая аристократическую эмиграцию, посылающая свои войска, чтобы задушить Французскую революцию. Недавно (1939 г.) в Париже вышла книга французского писателя Анри Шассаня — «Кобленц»¹, книга, которая показывает нам, как предавали французские эмигранты, собравшиеся в Кобленце, свою родину, как служили они пруссакам, как организовывали интервенцию. Мы видим целую систему предательства, шпионажа, мы видим, как помогали интервентам французские контрреволюционеры — и те, которые эмигрировали в Кобленц, и те, которые исполняли обязанности шпионов, находясь в Париже. Для защиты своих привилегий, во имя сохранения феодального строя дворянство шло на войну с нацией, со своей родиной, помогало иностранцам в их борьбе с революционной Францией.

Королева Мария-Антуанетта выдавала интервентам секретные военные планы Франции. Нити шпионажа тянулись в Париже от Марии Антуанетты до самого Дантона.

В свое время французский писатель Лабрюйер верно заметил: «Деспотизм не знает понятия «родина», заменяя его другими понятиями — выгоды, славы и служения королю».

Книга Шассаня «Кобленц» весьма поучительна, в особенности для тех деятелей французской реакции, типа Фландена, которые предают интересы своей страны в угоду немецким «друзьям и покровителям».

Робеспьер и Марат неоднократно писали о том, что Кобленц находится и в Париже, что нужно очистить ряды французского генералитета. Робеспьер и Марат неоднократно писали о своеобразной «Пятой колонне» — выражаясь современным языком, — уничтожение которой необходимо для успешной борьбы с пруссаками. Они беспощадно боролись с предателями и шпионами.

20 апреля 1792 года Законодательное собрание объявляет войну Австрии: «Законодательное собрание объявляет, что французская нация, верная своим принципам, освященным, конституцией, берется за оружие только для защиты своей свободы и независимости, что настоящая война не война одной нации против другой, но она является справедливой самозащитой свободного народа против нападения королей».

19 августа армия интервентов (австрийцев и пруссаков) под командой герцога Брауншвейгского перешла французскую границу, отбросив французские аванпосты. Через несколько дней изменяет французский генерал Лафайет, пытается открыть фронт и вести свою седанскую армию на Париж для расправы с революционерами. К восьмидесятитысячной австро-прусской армии присоединяется отряд в четыре с половиной тысячи французских эмигрантов-аристократов. Армия интервентов захватывает Лонгви, Монмеди, Верден, подходит к воротам Реймса и Шалона. Жестокость интервентов исключительна. «Если б отдать в распоряжение эмигрантов их французских сограждан, — писал один из секретарей прусского короля, — вся Франция была бы превращена ими в чудовищное кладбище». Герцог Брауншвейгский рассчитывает быть в Париже не позже 10 октября.

И вот тут все расчеты интервентов опрокинул французский народ. Народ создал молодую революционную армию. Французский народ выступил и против интервентов, и против их агентов внутри Парижа. Недавно французский режиссер Жан Ренуар поставил фильм «Марсельеза». Этот фильм о Французской революции был сделан для народа и на деньги народа. Сотни французских рабочих бесплатно снимались в фильме Ренуара, помогали своими трудовыми деньгами созданию фильма. Ренуар рассказывает о том, как был организован батальон марсельских добровольцев, уничтоживший врагов в своем родном городе и отправившийся в Париж спасать революцию.

Народ Парижа с энтузиазмом встретил своих братьев-марсельцев. Впервые на улицах площадях Парижа зазвучал новый революционный гимн — марсельеза. Есть в фильме отдельные упрощенные, схематические места, его сила в эпическом, величественном изображении французского народа, идущего в бой, борющегося и побеждающего. Героями фильма являются французские патриоты. А в годы революции быть патриотом значило быть революционером. Фильм пропитан настоящим революционным пафосом.

Ярко показывает Ренуар эмигрантов, бежавших в Кобленц. Перед нами оживают страницы книги Шассаня. С большой силой показан эпизод штурма народом Тюильрийского дворца. Среди солдат Марсельского батальона мы видим тех борцов молодой французской революционной армии, которые остановили нашествие интервентов и разгромили их. Недаром последние кадры фильма показывают начало знаменитой битвы при Вальми.

Один из героев фильма, марселец-художник Жавель, говорит перед Вальмийским сражением: «Двадцать тысяч рабов и пять тысяч предателей, которые торчат там, впереди, никогда не справятся с двадцатью миллионами свободных людей».

Сражение при Вальми состоялось 20 сентября 1792 года. В битве при Вальми молодая французская народная армия одержала свою первую победу над интервентами. Об этой битве и об этой победе замечательно рассказал Ромэн Роллан в своем историческом очерке «Вальми», вышедшем в 1939 году. Роллан рассказывает о том, как наступали пруссаки во главе с герцогом Брауншвейгским. Роллан рассказывает о том, как герцог требовал, чтобы французская армия немедленно выразила покорность королю. «Со всеми французами, — писал герцог Брауншвейгский в своем ультиматуме (составленном, кстати сказать, при помощи эмигрантов), — которые осмелятся обороняться от оккупационных войск, поступят как с бунтовщиками, а их дома будут сожжены».

«Никогда еще, — восклицает Ромэн Роллан, — великому народу не угрожали так гнусно и так безрассудно». «И вот всю Францию охватил гнев. Оскорбленная нация встала как один человек, и миллионы рук схватились за оружие». С пением нового революционного гимна, с пением марсельезы идут в бой французские батальоны. 20 сентября 1792 года в битве при Вальми молодая французская армия разбила армии интервентов. «Совершалось, — пишет Ромэн Роллан, — нечто более значительное, чем битва: здесь мерялись силами два мира. И старый мир, остолбенев, слышал внутренний голос: «дальше тебе не пройти!» Он был побежден без боя». На закате 20 сентября закончилось это историческое сражение. Великий Гете, который был его свидетелем, сказал: «С этого дня в этом месте началась новая эпоха всемирной истории».

Заканчивая свой очерк, Ромэн Роллан обращается к современникам: «Сыны революции, мои современники, способны ли вы еще без смущения и страха слышать эти гордые отзвуки вальмийской канонады?»

В сражении при Вальми враг был разгромлен. Но борьба далеко не была закончена. Французский народ продолжает создавать и закалять свою народную армию. Один из депутатов пишет в своем докладе: «Самое верное средство рассеять беспокойство, которое может быть вызвано соседними державами, — это внушить французам такую веру в них самих и в их собственные силы, чтобы они были крепко убеждены в том, что никто не посмеет напасть на них, или что если найдется страна достаточно безумная, чтобы это предпринять, то она очень скоро почувствует, с какой отвагой и с какой энергией свободный народ защищает свои очаги. Пусть все страны Европы знают, что, если они когда-нибудь заставят нас воевать, мы возьмем за оружие во имя нашей защиты, как это диктуют нам торжественно провозглашенные принципы; пусть они знают, что это будет война на смерть, что мы будем сражаться не для того, чтобы заключать договоры, в такой же мере предательские, в какой предшествовавшие им войны были несправедливы, но для того, чтобы раздавить и уничтожить всех тех, которые нападут на нас».

А депутат Робеспьер, осуждавший всякую завоевательную войну, предостерегавший от безрассудных авантур, восхвалял «внезапный благотворный взрыв народного негодования против нашествия на французскую землю».

Патриоты, революционеры, входившие в Марсельский и другие батальоны, были проникнуты любовью к своей родине, любовью к народу, Санкюлот Сульбо, вступивший в ряды парижского батальона, писал своему отцу-крестьянину:

«Я вошел в ряды добровольцев в Париже и готов к выступлению против врагов отечества. Я по рождению француз, с французами хочу я делить опасность и славу и беспрестанно я буду помнить о том, что людей надо уважать или умереть за защиту их. Одним словом — сердце и силы свои я посвящаю защите отечества, и мой лозунг: жить свободным или умереть». Сын овернского токаря пишет своим родителям: «У нас почти ежедневно стычки с врагом; эти рабы трепещут при приближении наших славных республиканцев».

Сержант Бро в письме к своим родным заявляет: «Гордые англичане, ганноверцы, эти пруссаки, кичащиеся тем, что они лучшие солдаты в Европе... теперь беспорядочно бегут от тех, кого они называют «карманьолами». Они ссылаются на то, что у нас нет военной тактики и что так якобы нельзя вести войну. Они, вероятно, хотят нас упрекнуть, что мы должны быть более предупредительными, когда занимаем их города; они хотят нам сказать, что мы слишком горячи в преследований и не даем им передышки... свободные люди, поклявшиеся победить или умереть, не знают иных методов».

Лучшие люди науки способствуют усилению вооружения. В феврале 1794 года Комитет общественного спасения открыл специальные кратковременные революционные курсы в Париже, курсы специалистов по производству селитры, пороха и пушек. Лекции читались лучшими профессорами и дополнялись практическими занятиями. В день окончания курсов ученики и профессора явились в Конвент, чтобы продемонстрировать результаты своих работ. Они показали Конвенту очищенную ими селитру, порох, который они сделали, и пушку, которую они смастерили. Французская газета «Монитор» так описывает этот изумительный день: «Здесь (в Конвенте) была собрана на львиной шкуре селитра, она возвышалась пирамидой, повсюду она была украшена национальными цветами, пальмовыми ветвями, лавровыми венками, цветами и гирляндами. Самая селитра в руках республиканцев принимала форму эмблемы свободы. Над кортежем реяли знамена, горели факелы. Военная музыка играла революционные гимны. Один из канониров, став на только что отлитую пушку, обратился к Конвенту с речью: «Когда мы изготовим достаточное количество пушек и пороха, чтобы раздавить тирана, будет ли наша задача закончена? Нет, перед нами будет стоять еще одна задача — не менее славная, это — пойти с нашими братьями по оружию на поле брани, бить тиранов и их приспешников. Нужно, чтобы эти гнусные рабы знали, что республиканцы не только умеют делать пушки и порох, но что они умеют также драться. Мы скорее погибнем, нежели вернемся в рабство. Будем счастливы, если, испуская последний вздох, мы сможем крикнуть: да здравствует республика!»

«Народ, — сказал один из депутатов Конвента, — стал химиком, физиком, отливал пушки, приготавливал селитру с большой активностью и с таким же талантом, как самые испытанные специалисты».

Особое значение в формировании республиканской армии имели комиссары Конвента. Институт комиссаров был создан декретом от 9 апреля 1793 года. Главной задачей комиссаров Конвента была энергичная борьба со всякими проявлениями контрреволюции в армии. «Комиссары, — говорил декрет, — должны подавать великий пример солдатам, разделяя с ними всю тяжесть походной жизни, проявляя себя во всех случаях, особенно способных внушить армии убеждение, что Национальный Конвент желает разделить с ней ее труды к ее опасности».

Многие комиссары лично участвовали в боях и командовали армиями. Присутствие и энергичные действия Сен-Жюста и Карно решили победу Северной армии. Наиболее боевыми комиссарами были друзья Робеспьера — Сен-Жюст и Леба. Еще в своей пьесе «Дантон», рисуя героический облик Сен-Жюста, Ромэн Роллан показывает его суровым, сдержанным, и в то же время горячим и непреклонным революционером.

Сен-Жюст говорит, обращаясь к Робеспьеру: «Я отдыхаю там (на фронте) от бесплодных словопрений. Мысль и действие там нераздельны, как столкновение туч и сверкнувшая молния... Ночью, в снегу, на передовых позициях, среди уныло-фламандской равнины, под необъятным морозным небом, я чувствую, как радостный трепет пробегает по моему телу, и кровь волной приливает к груди. Одинокие, затерянные во мраке, которым объят мир, окруженные врагами и стоящие на краю могилы, мы — единственные в Европе стражи разума, живой его светоч. Каждое наше решение ставит на карту судьбу мира. Мы пересоздаем человека».

Во время своего пребывания в армии комиссар Сен-Жюст показал пример революционной целеустремленности, заботы о своих солдатах. Сен-Жюст беспощадно боролся с контрреволюцией, с теми чиновниками, которые злоупотребляли своей властью и позорили революцию. В Страсбурге Сен-Жюст арестовал и передал в распоряжение революционного трибунала государственного прокурора Шнейдера, который своими кровожадными выходками запугал весь департамент. Чрезвычайно любопытны приказы Сен-Жюста по Страсбургской армии.

«Десять тысяч солдат босы, — пишет Сен-Жюст, — разуйте всех страсбургских аристократов и позаботьтесь о том, чтобы завтра в десять часов десять тысяч пар башмаков были на пути в главную квартиру».

«Пусть страсбургский муниципалитет, — пишет Сен-Жюст в другом приказе, — в двадцать четыре часа приготовит в домах богатых страсбургцев две тысячи постелей для передачи солдатам».

«Богачи, — пишет Сен-Жюст в третьем приказе, — должны дать заимообразно девять миллионов, из которых два пойдут в пользу бедняков, один на нужды крепости и шесть на нужды армии. Наиболее состоятельный из числа привлеченных к этому займу граждан, который в течение двадцати четырех часов не внесет следуемой с него суммы, будет на три часа выставлен на эшафоте гильотины».

Сен-Жюст и Леба были подлинно революционными комиссарами французской народной армии. Если в пьесе Роллана «Дантон» образ Сен-Жюста не является ведущим, то в пьесе «Робеспьер», написанной Ролланом через тридцать семь лет после «Дантона», Сен-Жюст играет одну из основных ролей. Замечательна сцена пьесы, показывающая, как Сен-Жюст и его товарищ, дежурящие в Комитете общественного спасения в долгую тревожную ночь, читают друг другу наизусть страницы великого Рабле, — страницы, пропитанные неумирающим пантагрюэлизмом.

«Я никогда не буду побежденным, — говорит Сен-Жюст, — у людей, которые, как мы, дерзали для свободы, они могут отнять жизнь, но они не могут отнять у них благодетельную смерть, спасающую их от рабства, и тот независимый дух, который будет жить в веках...» Смерть для жизни. Смерть в пламени (Flammentod). Вечное движение. *Stirb und Verde* — постоянный лозунг Ромэн Роллана, гетеанский лозунг.

Ромэн Роллан говорит иногда о пессимизме Сен-Жюста, но называет этот пессимизм героическим.

В одной из сцен пьесы, выступая в Конвенте с резким обличением будущих термидорианцев, Робеспьер говорит: «Я обвиняю богатых, буржуазию, которые совершили революцию лишь в свою пользу и хотят остановить ее течение. Я обвиняю Собрание, которое предало народ и убивает его. Я знаю, что направляю против себя тысячу ножей. Пусть лучше смерть — она избавит меня от вида стольких злодеяний».

«Но... — замечает Роллан в своих заметках,— у него (Робеспьера. — А. И.) не было той непоколебимой твердости, которую героическому пессимизму Сен-Жюста сообщало нераздельное господство разума. Потому что Сен-Жюст забросил якорь в будущее. И его пессимизм в настоящем был в сущности оптимизмом в отношении будущего...» «Один только. Сен-Жюст, — замечает Ромэн Роллан, — был способен в пылу действия на это огромное отрешение, знакомое юному герою. Его вдохновляли экзальтация и сознание своего тождества «с силой вещей, которая приведет нас, быть может, к неожиданным для нас результатам (потому что эти слова, которые я вложил в уста Робеспьеру, принадлежат Сен-Жюсту), — с законами, направляющими историю человечества». Этим чудесным откровением он был обязан глубокому чувству Природы, которое Жорес подметил в его речи от 23 Вентоза (13 марта 1794 года), — этому романтизму интуиции, который молниями бороздил его подчас туманные речи». И только лишь его короткий день, окутанный еще утренним туманом, успел озариться светом, — как юный герой пал»².

В пьесе «Робеспьер» сохранились еще некоторые оттенки того абстрактного надклассового гуманизма, который был в первых пьесах Роллана о революции. Но не эти оттенки делают игру. И яркий облик Сен-Жюста в пьесе «Робеспьер», несомненно, сродни лучшим героям Ромэн Роллана — и Жан Кристофу, и Марку Ривьеру.

Сен-Жюст любил людей. И в то же время он был бесконечно далек от какой бы то ни было сентиментальности. Он был одним из тех, кто наиболее сурово обличал Дантона, изменившего революции, вступившего в связь с заговорщиками. Речи и статьи Сен-Жюста против Дантона, несомненно, послужили материалом Ромэн Роллану, когда он лепил этот образ.

Еще в пьесе «Дантон» Сен-Жюст говорит: «Если друг твой развращен и развращает Республику, отсеки его от Республики; если брат твой развращен и развращает Республику — отсеки его от Республики... Республика должна быть чистой...»

Шпионы, вражеские лазутчики проникали в ряды Конвента, в ряды молодой французской революционной армии. Сеть шпионажа была сложной и разветвленной. Нити предательства веи от генерала Дюмурье к депутату Дантону.

«Дантон, — говорит Сен-Жюст, — ты был сообщником Мирабо, д'Орлеана, Дюмурье, Бриссо... Мы решили не медлить больше с виновными. Мы объявили, что разрушим все заговоры. Они, могут оживиться и снова стать опасными».

«Банальный соглашатель, — говорит Сен-Жюст Дантону, — все твои выступления начинались, как гром, а оканчивал ты, примиряя правду с ложью... Волны света упали на твою политику. Ты был на Горе точкой контакта и отражением заговора Дюмурье, Бриссо и д'Орлеана».

Сен-Жюст говорил: «Республику не создали мягкостью, а только непоколебимой суровостью, суровостью, беспощадной к предателям... Будем же непреклонны: жестока снисходительность, так как она угрожает родине... Революция уничтожит врагов, какой бы непроницаемой маской они ни прикрывались».

Образ Сен-Жюста, несомненно, один из наиболее интересных образов среди деятелей Французской революции. Недаром такое большое внимание уделил ему Ромэн Роллан.

Непреклонный по отношению к врагам, Сен-Жюст, комиссар революционной армии, глубоко любил народ, любил своих солдат. Французская армия одерживала победы над коалицией, разоблачала изменников. Лучшие люди науки отдавали армии свои изобретения. Французская артиллерия превосходила артиллерию противника. Знаменитый химик Бертолле открыл новый способ добывания селитры. В Париже было оборудовано двести пятьдесят восемь оружейных заводов и мастерских. «Наука XVIII века, — писал впоследствии Жорес, — присоединила в революционных армиях свою силу к воодушевлению солдат. Эти армии были восставшим народом, и они были в то же время как бы вооруженной энциклопедией».

И все же десятки и сотни тысяч французских солдат гибли на полях сражений, отдавали свои жизни за молодую республику. С грустью говорил Сен-Жюст после одной из побед: «С каждой битвой мы теряем тысячи свободных людей, тогда как коалиция теряет лишь рабов».

Но битвы французского народа с интервентами сыграли свою решающую роль в истории. «...Все развитие всего цивилизованного человечества во всем XIX веке — все исходит от Великой французской революции, все ей обязано»...— говорил Ленин³. День знаменитой битвы при Вальми был днем поражения старого мира. Об этом дне должны всегда помнить французы. Недаром сейчас, после Мюнхена, настойчиво напоминает о нем своим соотечественникам Ромэн Роллан, Недаром лучшие французские писатели с горечью говорят о том, что деятели французского правительства позорят знамена Французской революции.

Но французский народ и его лучшие сыны, лучшие представители французской культуры не забывают о Вальми.

На вопрос Р.Роллана: «Сыны революции, мои современники, способны ли вы еще без смущения и страха слышать гордые отзвуки вальмийской канонады?» — они могут ответить словами самого Ромэн Роллана, сказанными им в приветствии съезду французской коммунистической партии (1939 г.): «Если мир будет нарушен и враг нападет на Францию, французский народ напомнит о Вальми».

1. H.Chassagne. Coblence, 1789-1792. «Des Francais au service de l'etranger». Editions
2. Romain Rolland. Robespierre, Drame en trois actes et vingt quatre tableaux. Paris. 1939.
3. Ленин. Собр.соч., т.XXIII, стр.489.

О Ромене Роллане и его произведениях – в нашей библиотеке и других электронных ресурсах:

14 июля (пьеса из цикла «Театр революции»)

Робеспьер (фрагменты пьесы)

Н.Кареев. Французская революция в историческом романе, глава о Р.Роллане

http://narod.ru/disk/10028920000/kareev_lit.pdf.html

Статьи в сб. «**Великая французская революция и литературная жизнь Европы**»

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p70628293.htm>

Борис Пастернак, Ромен Роллан. На том берегу неба (переписка)

В.Фриче. Ромен Роллан

Е.Гальперина. Р.Роллан

М.Тахо-Годи. Р.Роллан

Глава из книги «Писатели Франции» (сост. Е.Эткинд)

Наркирьер. Роллан (1994)

Статья в Литературной энциклопедии (1935)

Яхонтова. О творчестве Р.Роллана - словарная статья

Персональная сводная ссылка: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#RmRI>

Об авторе статьи: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#isbah>

Подборка документов «Отечество в опасности!» http://vive-liberta.narod.ru/doc/doc_92_2.htm

Канонада при Вальми: календарь событий Великой французской революции <http://vive-liberta.gumer.info/?p=13>

О Сен-Жюсте см.: http://vive-liberta.narod.ru/fantasm/SJ/sj_ind.htm

О М.Робеспьере: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#MR>

О Ж.-Ж.Дантоне: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#dnt>

О К.Демулене: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#cdem>